

С Е Р И Я
П О Л И Т И Ч Е С К А Я
Т Е О Р И Я

The FLIGHT
FROM REALITY
in the HUMAN
SCIENCES

IAN SHAPIRO

БЕГСТВО
ОТ РЕАЛЬНОСТИ
В ГУМАНИТАРНЫХ
НАУКАХ

ИЭН ШАПИРО

Перевод с английского
ДМИТРИЯ УЗЛАНЕРА

Издательский дом
Высшей школы экономики
МОСКВА, 2011

УДК 321.01
ББК 66.1
Ш23

Составитель серии
ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Дизайн серии
ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Научный редактор
доцент философского факультета НИУ ВШЭ
АЛЕКСАНДР ПАВЛОВ

Шапиро, И.

Ш23 Бегство от реальности в гуманитарных науках [Текст] / пер. с англ. Д. Узланера; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. — 368 с. — (Политическая теория). — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-0823-7 (в пер.).

В своей книге выдающийся американский политолог показывает, как развитие и усложнение методологического аппарата в современных общественных и гуманитарных науках привело к крайнему редукционизму в объяснениях и анализе. Автор резко критикует «бегство от реальности» в экономическом анализе права, формальном и статистическом моделировании, политической теории и «кембриджской школе» истории идей. В качестве альтернативы Шапиро предлагает проблемный подход к социальным исследованиям, основанный на реалистической философии науки, и иллюстрирует возможности такого подхода в своем анализе проблем власти, демократии, права, идеологии.

УДК 321.01
ББК 66.1

ISBN 978-5-7598-0823-7 (рус.)
ISBN 978-1-4008-2690-2 (англ.)

All rights reserved. No part of this book may be reproduced or transmitted in any forms or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording or by any information storage and retrieval system, without permission in writing by the Publisher.

© 2005 by Princeton University Press

© Оформление. Издательский дом Высшей школы экономики, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

БЛАГОДАРНОСТИ.....	9
ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ.....	11
ВВЕДЕНИЕ.	
СТРАХ ПЕРЕД РЕАЛЬНОСТЬЮ.....	24
I. ЧТО ДАЕТ РЕАЛИЗМ: СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ И ПОЛИТИКА СОГЛАСИЯ	52
II. ПАТОЛОГИИ РАЦИОНАЛЬНОГО ВЫБОРА: ЕЩЕ ОДИН ПОДХОД К ПРОБЛЕМЕ	104
III. ПРАКСИС РИЧАРДА ПОЗНЕРА	182
IV. СОВОКУПНЫЕ КОНЦЕПТЫ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ДИСКУССИЯХ	267
V. ПРОБЛЕМЫ, МЕТОДЫ И ТЕОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ПОЛИТИКИ, ИЛИ В ЧЕМ ПРОБЛЕМА ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ И ЧТО С ЭТИМ ДЕЛАТЬ.....	311
VI. ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА КАК ДИСЦИПЛИНА: КОММЕНТАРИЙ К ДЭВИДУ ЛЕЙТИНУ	352

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Я рад появлению моей работы «Бегство от реальности в гуманитарных науках» на русском языке. Не меньше этого я рад возможности предварить издание новым предисловием. Наиболее важной тенденцией последних пяти лет, прошедших со дня публикации английского издания, тенденцией, которая вне всяких сомнений подтверждает основную идею книги, стал мировой финансовый кризис. Кризис начался осенью 2008 г. и ему еще только предстоит пройти весь цикл.

Когда я говорю о верности основной идеи книги, я ни в коем случае не имею в виду тот факт, что кризис не был предсказан никем из западных экономистов, представляющих основное течение экономической науки. В пятой главе книги указывается, что предсказание конкретных событий — это необыкновенно завышенный стандарт для большинства социальных наук. Если сужать исследовательскую повестку до того, что может быть предсказано, тогда есть все шансы угодить в ловушку ориентации на метод, что просто по определению вынудит нас изучать банальнейшие проблемы. Поэтому когда я утверждаю, что события финансового кризиса оправдывают основную идею работы, я имею в виду следующие две вещи. Первая — удивление экономистов по поводу того, что их теории не смогли дать им ни инструментов для понимания кризиса, ни средств свести его на нет, раз уж он успел начаться. В октябре 2008 г. бывший председатель Федеральной резервной системы США Алан Гринспен в своем докладе комитету Конгресса США по правительственной реформе и контролю сказал: «Те из нас, кто надеялся на эгоизм кредитных учреждений как на средство защиты акционеров, в том числе и меня самого как одного из акционеров, оказа-

лись в ситуации шока, мы отказывались верить происходящему»¹.

То был не первый раз, когда Гринспен допустил чудовищную ошибку. Весной 2001 г. он поддержал планы администрации Буша, касавшиеся массовых сокращений налогов, на том основании, что без них США не смогут выполнить свои обязательства по государственному долгу. Четыре года спустя он и целый ряд его коллег были вынуждены признать, что «они ошиблись, ожидая притока триллионов долларов, которые так никогда и не материализовались»². Можно было бы ожидать, что прежние неудачи Гринспена умерят его самоуверенность или как минимум заставят окружающих более скептически относиться к его прогнозам, однако статус Гринспена как гуру так и остался непоколебимым. Долг федерального правительства был списан на непредвиденные факторы, например, на неожиданно высокие издержки иракской кампании. И это несмотря на то, что профицит в 236 миллиардов долларов, который Буш унаследовал от президента Клинтона в 2000 г., в 2001 г. — как раз в год сокращения налогов — сократился до 128 миллиардов. Профицит в следующем году уже стал дефицитом в 157 миллиардов, к моменту начала войны в 2003 г. этот дефицит успел удвоиться³. Любой разумный человек должен поинтересоваться, имели ли аргументы Гринспена, касавшиеся сокращения налогов, хоть какое-то отношение к реальности.

¹ Greenspan concedes error on regulation // New York Times. 2008. October 23. http://www.nytimes.com/2008/10/24/business/economy/24panel.html?_r=1&scp=1&sq=october%2008%20greenspan&st=cse [10-26-2010].

² Andrews E. Greenspan defends his support for tax cuts // New York Times. 2005. March 16. <http://www.nytimes.com/2005/03/16/politics/16fed.html?scp=1&sq=2001+greenspan+large+surpluses&st=nyt> [10-26-2010].

³ Данные взяты из сведений, предоставленных Административно-бюджетным управлением Белого дома в 2010 г. <http://www.whitehouse.gov/omb/budget/Historicals/> [10-26-2010].

Отчасти подобная самоуверенность может быть объяснена высокомерием, рожденным упоением властью. Это высокомерие достигло своего апофеоза в начале президентства Джорджа Буша. Старший советник Буша, отвечая журналисту Рону Саскинду в 2002 г. на вопрос о фактических основаниях планируемого вторжения в Ирак, заявил буквально следующее: «Отныне мы — империя, и когда мы действуем, мы создаем свою собственную реальность»⁴. Администрация, опьяненная властью, может верить в нечто подобное вплоть до дня неминуемой расплаты. И, похоже, эта расплата порой может откладываться на достаточно продолжительный срок. Что касается войны в Ираке, то к ноябрю 2004 г. уже всем было известно, что никакого оружия массового поражения в Ираке не было, что Саддам Хусейн никак не связан ни с Аль-Каидой, ни с событиями 11 сентября и, главное, что предсказания простой, быстрой и дешевой победы (вся операция, как предполагалось, должна была закончиться летом 2003 г. и быть оплачена из той прибыли, которую страна получит от иракской нефти), как оказалось, не имели никакого отношения к реальности⁵. Но, несмотря на это, а также несмотря на суровые фискальные условия, президент Буш все же выиграл ноябрьские выборы, получив комфортное для себя большинство, а республиканцы усилили свои позиции в Конгрессе. Похоже, Джон Локк был прав, когда писал, что лишь «длинный ряд злоупотреблений, правонарушений и хитростей, направленных к одному и тому же», способен привести ко дню расплаты⁶.

⁴ *Suskind R.* Faith, certainty and the Presidency of George W. Bush // *New York Times Magazine*. 2004. October 17. <http://www.nytimes.com/2004/10/17/magazine/17BUSH.html> [10-26-2010].

⁵ См.: *Shapiro I.* Containment: Rebuilding a Strategy against Global Terror. Princeton University Press, 2007.

⁶ *Локк Дж.* Два трактата о правлении / пер. с англ. и лат. // Дж. Локк. Соч.: в 3 т. Т. 3. М.: Мысль, 1988. Пар. 225. С. 393.

Когда день финансовой расплаты наконец-то наступил, то как минимум отчасти удивление ведущих деятелей администрации, а также членов истеблишмента могло быть объяснено тем, что, несмотря на целый ряд очевидных фактов, все они пали жертвами собственной риторики. Ситуация вновь не сильно отличалась от ситуации войны, когда огромное число критиков из спецслужб высказывало сомнения относительно наличия оружия массового поражения в Ираке: мнения этих людей были проигнорированы. Но когда оказалось, что они правы, то те средства, которыми их оттеснили на второй план в процессе информационной подготовки к войне, оказались забытыми и преуменьшенными⁷. В случае финансового кризиса механизм был несколько иным, однако результат был тем же самым. Скептиков, предупреждавших о пузырях в сфере рынка акций и недвижимости, просто игнорировали⁸. Но еще даже более важным фактором стало то, что регулирующие инстанции оказались лишены важнейшей информации, необходимой для их полноценной работы. В финансовом секторе правительства контролирующие органы сами оказались заложниками тех интересов, которые они должны были регулировать. В результате лисы получили все ключи от курятников. Достаточно ироничная ситуация в свете той критики, которая в то время раздавалась в адрес России: мол, российские олигархи обладают большей властью, чем само российское государство.

Степень деконструкции в США служб, регулирующих финансовый рынок, в годы, предшествовавшие кризису 2008 г., известна достаточно хорошо. Наверное, наиболее впечатляющая иллюстрация этого — Управление надзора за сберегательными учреждениями (УНСУ). Несмотря на кризис сбережений и займов

⁷ См.: Containment. P. 15–101.

⁸ См.: *Shiller R. Irrational Exuberance*. 2nd ed. Princeton University Press, 2005.

1980-х гг., а также несмотря на банкротство крупных сберегательных учреждений, находящихся под контролем этого Управления в новом тысячелетии, в те годы, которые непосредственно привели к коллапсу 2008 г., УНСУ вело себя скорее как лоббист, чем контролер банков-заемщиков. Зависая от тех гонораров, которые выплачивали регулируемые им компании, УНСУ фактически охотилось за клиентами, обещая — и исполняя свои обещания — пресловутый отказ от любого вмешательства. Крупнейший в Америке ипотечный заемщик, Countrywide Financial, обратился к УНСУ в марте 2007 г. для того, чтобы избавиться от надоедливых регулирующих инстанций, — это произошло за пять месяцев до того, как данную компанию вынудили взять в долг 11,5 миллиардов долларов в тщетной попытке остановить ее обрушение⁹. К концу 2008 г. сберегательные учреждения, регулируемые УНСУ и контролируемые 356 миллиардов долларов, обвалились, а правительство наложило арест на три крупнейших компании, находившихся под надзором Управления, включая Washington Mutual, на тот момент крупнейший американский банк из тех, что когда-либо терпели крах¹⁰.

В 2004 г. глава Goldman Sachs Генри Полсон-младший возглавил делегацию инвестиционных банкиров, которые попытались убедить Комиссию по ценным бумагам и биржевым операциям в том, что их можно освободить от требования создания резервного капитала. Свою позицию банкиры мотивировали тем, что активы свыше пяти миллиардов долларов позволяют защищать интересы инвесторов своими силами. В от-

⁹ *Bajaj V.* Countrywide Financial borrows \$11.5 billion to shore up cash // *New York Times*. 2007. August 17. <http://www.nytimes.com/2007/08/17/business/worldbusiness/17iht-mortgage.1.7152315.html> [06-30-2009].

¹⁰ *Appelbaum B., Nakashimab E.* Banking Regulator Played Advocate Over Enforcer // *Washington Post*. 2008. November 3. [06-30-2009].

вет они пообещали раскрыть свои балансовые отчеты перед чиновниками из Комиссии. Однако в ситуации, когда на активы в четыре триллиона долларов приходилось только семь инспекторов, работавших в офисе без всякого директора, едва ли стоит удивляться, что никаких проверок так и не случилось. Аж в марте 2008 г., когда Полсон уже стал министром финансов США, председатель Комиссии Кристофер Кокс заверил Конгресс, что Комиссия спокойна относительно финансовой подушки безопасности основных инвестиционных банков. Шесть месяцев спустя банк *Lehman Brothers* объявил о своем банкротстве, прочие крупные инвестиционные банки оказались на грани того, чтобы захлебнуться в потоке токсичных ипотечных займов. Их пришлось спасать многомиллиардными долларовыми вливаниями из федерального бюджета, призванными не допустить системной катастрофы¹¹. При этом, если менеджеры промышленных компаний, например *Chrysler* или *General Motors*, потеряли свои места, то инвестиционных банкиров этот удар никак не коснулся — они сохранили как свои рабочие места, так и бонусы. Создается впечатление, что их власть просто непоколебима¹².

В 1988 г. Адам Пшеворский и Майкл Валлерстайн исследовали структуру зависимости государства от капитала. Они утверждали, что в капиталистических демократиях даже популистским правительствам, обладающим широким народным мандатом, приходится умерять налоговые сборы, а также осаждают регулирую-

¹¹ *Labaton S.* The Reckoning: Agency's '04 Rule Let Banks Pile Up New Debt // *New York Times*. 2008. October 3. <http://www.nytimes.com/2008/10/03/business/03sec.html> [06-30-2009].

¹² См.: *Bank bonuses bigger than ever, in the spotlight* // *New York Times*. 2010. January 10. <http://dealbook.blogs.nytimes.com/2010/01/10/banks-prepare-for-bigger-bonuses-and-publics-wrath/>[09-28-2010]; *Scheer R.* The Great American Stick-up: How Reagan Republicans and Clinton Democrats Enriched Wall Street While Mugging Main Street. *Nation Books*, 2010.

щие органы. Это вынужденные меры для того, чтобы предотвратить саму возможность забастовки капитала, способной сделать страну неуправляемой¹³. Снижение контроля за капиталом по всему миру в следующие два десятилетия стало означать, что отныне аналогом угрозы забастовки капитала становилась угроза утекания капитала. Однако финансовый кризис 2008–2010 гг. показал, что сам финансовый капитал может представлять для страны даже еще большую угрозу, чем его исход из экономики. Поспособствовав созданию системы, в которой политическое выживание неразрывно связано с оказанием банкам финансовой помощи, эти самые банки после начала кризиса смогли приставить стволы к головам политиков и диктовать свои условия.

Во время каждого из пиков кризиса западные политические лидеры оказывались перед лицом фактически выбора Гобсона¹⁴: либо дать финансовому сектору денег, либо нести ответственность за финансовый катаклизм, который потенциально грозит новой депрессией. Так, в мае 2010 г. мы стали свидетелями немыслимого: канцлер Германии Ангела Меркель совершила электоральный суицид, заставив немецких налогоплательщиков через банки Германии выступить гарантом долгов Греции, когда эта страна оказалась на пороге дефолта, угрожавшего уничтожить зону евро и спровоцировать дефолты в прочих экономиках Южной Европы, что могло стать угрозой выживания всего Ев-

¹³ Przeworski A., Wallerstein M. Structural dependence of the state on capital // *American Political Science Review*. 1988. Vol. 82. No. 1 P. 11–29.

¹⁴ Крылатое выражение «Выбор Гобсона» символизирует отсутствие выбора, а точнее — выбор между чем-то одним и вообще ничем. Фраза берет свое происхождение в деятельности реального человека Томаса Гобсона (1544–1630), владельца конюшни в Кембридже. Гобсон давал лошадей напрокат, предлагая своим клиентам выбрать коня, находившегося ближе всего к дверям, или не брать никакого коня вообще. — *Примеч. науч. ред.*

ропейского Союза¹⁵. Заключительной главе этой саги еще только предстоит быть написанной, однако пока несомненно одно: лидеры основных западных правительств не имеют ни малейшего представления о степени своей зависимости от игроков, захвативших контроль над инвестиционной политикой основных банков. Пока правительства просто плыли по течению, пребывая в благой уверенности, что их несет беспрецедентная волна перманентного беспрецедентного экономического благосостояния. Они наивно доверились мифу о том, что циклы надувания и лопания экономических пузырей, не раз случавшиеся в прошлом, канули в лету. При этом у них нет ни малейшей идеи относительно того, что они будут делать, когда прилив — а это было неизбежно — все же отхлынет¹⁶.

Можно было подумать, что как только кризис несколько поутихнет, сам размах коллапса заставит западных политиков вернуть себе хотя бы часть той власти, которая была ими отдана финансовым институтам в прошлом десятилетии. Однако на момент конца 2010 г. в этом направлении был проделан лишь самый минимум работы. Учитывая, что ученые экономисты не смогли оказать ни малейшей помощи ни в понимании кризиса, ни в реакции на него, правительства западных стран осознали свою полную зависимость от архитекторов кризиса, оказалось, что только последние могут помочь с ним справиться¹⁷. Коллапси-

¹⁵ См.: German banks have big investment in Greece // New York Times. 2010. April 28. <http://dealbook.blogs.nytimes.com/2010/04/28/german-banks-have-big-investment-in-greece/> [09-28-2010]; Connolly K. Angela Merkel punished by voters for dithering over Greek bailout // The Guardian. 2010. May 9. <http://www.guardian.co.uk/business/2010/may/09/angela-merkel-german-regional-election> [09-28-2010].

¹⁶ См.: Shapiro I. The Real World of Democratic Theory. Princeton University Press, 2011. P. 1–19.

¹⁷ Примечательным исключением из этой тенденции может быть назван анализ рычаговых циклов и способов

ровавшие рынки деривативов, а также сотни миллиардов долларов, выделенные на секьюритизацию долговых обязательств, не до конца понимались даже теми людьми, которые непосредственно их создавали. Однако у правительств не было выбора — им пришлось работать с этими людьми: все прекрасно знали, что случившаяся катастрофа, во многом спровоцированная ими, ничуть не лишила их власти.

С начала 2009 г. лобби инвестиционных банков в США предприняло целый ряд масштабных усилий (которые почти увенчались успехом), призванных пробить брешь в планах администрации Обамы по регулированию инвестиционного банковского дела. Банкам так и не удалось свести новое законодательство на нет, однако они смогли его ослабить. В частности, они добились того, что многие из самых спорных вопросов, касающихся наиболее рискованного поведения банков, считающихся слишком крупными, чтобы потерпеть крах, будут отданы на откуп регулирующим органам¹⁸. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться: в самом скором времени эти органы

их управления, предложенный Джоном Геанакопосом. См.: *Geanakoplos J.* The leverage cycle // Yale University Cowles Foundation Discussion Paper. 2009. No.1715. July. http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1441943 [10-31-2010]; *Fostel A., Geanakoplos J.* Leverage Cycles and the Anxious Economy // *American Economic Review*. 2008. Vol.98. No. 4. P. 1211–1244; *Solving the present crisis and managing the leverage cycle* // Yale University Cowles Foundation working paper. 2010. January. No.1751. http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1539488 [10-31-2010]. К сожалению, рекомендации Геанакопоса были по большому счету проигнорированы.

¹⁸ См.: *Popper N.* Banks step up spending on lobbying to fight proposed stiffer regulations // *Los Angeles Times*. 2010. February 16. <http://articles.latimes.com/2010/feb/16/business/la-fi-bank-lobbying16-2010feb16> [08-26-2010]; *Dennis B., Mufson S.* Banks lobby against financial regulatory overhaul // *The Washington Post*. 2010. March 18. <http://www.washingtonpost.com/wpdyn/content/article/2010/03/18/AR2010031805370.html> [08-26-2010].

станут объектами жестоких лоббистских кампаний, призванных полностью нивелировать регулирующее законодательство, как это уже имело место в случае с УНСУ и Комиссией по ценным бумагам и биржевым операциям в годы, предшествовавшие кризису. После того как закон о регулировании банковского дела был принят Конгрессом в 2010 г., я спросил у пайщика одного крупного инвестиционного банка следующее: значит ли это, что отныне банку придется уйти из бизнеса, связанного с торговлей собственностью (этот бизнес был непосредственно связан с финансовым крахом)? Его ответ был таким: «Через пять лет выяснится, сможем ли мы справиться с этой частью закона». При этом он был готов биться о заклад, что им все удастся. Учитывая, насколько быстро были забыты кризис займов и сбережений 1980-х гг., а также сбои работы сберегательных учреждений 2000-х гг., достаточно трудно поверить в то, что его оптимизм не имеет под собой никаких оснований.

Вторая мысль, которую я имею в виду, когда утверждаю, что основная идея «Бегства от реальности» подтверждается нынешним финансовым кризисом, заключается в том, что случившиеся события не оказали никакого влияния на академическое сообщество. Я не предпринимал никаких систематических исследований данного вопроса, однако мой бессистемный поиск так и не позволил мне обнаружить ни одного примера, когда бы крупный университет переосмыслил в результате кризиса свою программу по экономике. Если не считать нескольких спорадических выступлений студентов, западные университеты продолжают делать привычный для себя бизнес¹⁹. То же

¹⁹ Одно из таких выступлений случилось в Беркли осенью 2010 г. Однако жалобы студентов на программу курса по экономике были встречены членами факультета с абсолютным равнодушием. См.: [http://anticap.wordpress.com/2010/10/25/jamming-neoclassical-economics/\[10-31-2010\]](http://anticap.wordpress.com/2010/10/25/jamming-neoclassical-economics/[10-31-2010]). Подобное беззубое повторение 1960-х заставляет вспо-

самое верно и в отношении программы по политической науке — здесь я также не смог обнаружить никаких свидетельств переработки курсов, посвященных регулированию или государственным финансам. Внимательно изучив последние выпуски таких изданий, как «American Economic Review» или «American Political Science Review», я так и не нашел там ничего нового в методическом или содержательном плане, сильно отличающегося от докризисной повестки. Так что мне как никогда очевиден практически полный отрыв академических дисциплин, составляющих гуманитарные науки, от объекта их изучения. Собственно, об этом я и писал в своем введении к работе «Бегство от реальности». Особенно этот отрыв шокирует в свете ужасных провалов данных дисциплин — даже в их собственных понятиях — на фоне разразившегося экономического кризиса. На ум сразу же приходят замечания Гоббса о пустячных бормотаниях схоластов²⁰.

Возможно, мои слова покажутся кому-то излишне суровыми (особенно в отношении экономики). Как было замечено мной в работе «Бегство от реальности», в последние годы целый ряд экономистов начал ставить под сомнение некоторые из допущений неоклассической экономики. В частности, все больше нареканий вызывают допущения, касающиеся человеческой психологии. Главное проявление данной тенденции — развитие так называемой бихевиоральной экономики, сторонники которой избегают стандартных представлений о рациональности и пытаются строить экономические обобщения на основе при-

мнить комментарий Маркса к словам Гегеля о том, что история повторяется дважды: «Первый раз в виде трагедии, второй раз в виде фарса». *Маркс К.* Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // *К. Маркс, Ф. Энгельс.* Полн. собр. соч.: в 50 т. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 8.

²⁰ *Гоббс Т.* Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // *Т. Гоббс.* Соч. в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1991. Гл. 4.

стального изучения того, что же на самом деле делают люди. Роберт Шиллер, один из немногих экономистов, предсказавших кризис, принадлежит именно к этому лагерю. Однако коллеги Шиллера, похоже, впечатлены его успехами меньше, чем массмедиа, не влияющие на происходящие события. На одной из недавних конференций я слышал шутку о том, что Шиллер предсказал девять из трех последних рецессий.

Как мной уже было указано, нам не следует особенно увлекаться прогнозами, однако это не означает отказ от теории. По причинам, которые были изложены в пятой главе, бихевиоральные исследования, не опирающиеся на теорию, рискуют оказаться исследованиями, ориентированными на метод. Подъем бихевиоральной экономики указывает на необходимость развития иной, более комплексной концепции человеческой психологии, чем та, что лежит в основе стандартных неоклассических моделей. Но, к сожалению, дисциплина психология пока не очень-то сильно может нам в этом помочь. Несмотря на многообещающие исследования, касавшиеся когнитивных ограничений, теории перспектив, рамочных эффектов, уходящие своими корнями в конец 70-х гг. XX века²¹, в последние годы основными направлениями в психологии — это находит свое отражение в кадровой политике и инвестициях в основных академических институтах — становятся направления, связанные с нейронаукой. Огромные ресурсы вкладываются в установление каузальных связей между психологическими аттитюдами, например, предпочтениями того или иного кандидата, и физиологическими измене-

²¹ См.: *Kahneman D., Tversky A. Prospect theory: An analysis of decision under risk // Econometrica. 1979. Vol. 47. No. 2. March. P. 263–292; The framing of decisions and the psychology of choice // Science. 1981. Vol. 211. No. 4481. January. P. 453–458; Tversky A., Kahneman D., Stovic P. Judgment Under Uncertainty. Cambridge: Cambridge University Press, 1982.*

ниями в человеческом мозгу²². На мой взгляд, вероятность получить в результате подобных исследований полезные знания о психологии человека сопоставима с вероятностью получить полезные знания о ежедневных колебаниях температуры в Нью-Хейвене на основе изучения химических особенностей Солнца²³.

Дело вовсе не в том, что химические особенности Солнца и погода в Нью-Хейвене никак друг с другом не связаны. В конечном счете, не будь Солнца, не будет и никакой погоды в Нью-Хейвене. Скорее, мой тезис таков: связь между двумя элементами столь косвенная, она опосредована таким количеством комплексных процессов, которые мы понимаем лишь очень приблизительно, что ни один здравомыслящий человек никогда не сделает ставку на успех подобного предприятия. Те феномены, которые мы пытаемся понять при изучении политики и экономики, зависят от факторов, находящихся к ним куда ближе, чем химические особенности Солнца к колебаниям погоды в Нью-Хейвене. Короче говоря, экономика действительно нуждается в новой теории человеческой психологии, призванной помочь данной науке спуститься с небес на землю. Однако если сами психологи организуют собственное бегство от реальности, значит, они едва ли способны принести экономике хоть какую-то пользу.

*Нью-Хейвен, Коннектикут
Ноябрь 2010*

²² См.: Kaplan J. T., Freedman J., Iacoboni M. Us versus them: Political attitudes and party affiliation influence neural response to faces of presidential candidates // *Neuropsychologia*. 2007. Vol. 45. P. 55–64.

²³ См.: Shulman R., Shapiro I. Reductionism in the human sciences: A philosopher's game // C. Mantzavinos (ed.). *Philosophy of the Social sciences*. Cambridge University Press, 2009. P. 124–129.

Введение

Страх перед реальностью

В средневековой Англии существовал любопытный разрыв между изучением права и юридической практикой. С XIII по XVII век основным языком, использовавшимся при обращении в суды общего права, был старофранцузский. Это было вызвано тем, что латынь, язык официальных документов, была слишком сильно увязана с римским правом, чтобы она могла учитывать все нюансы английской действительности; средневековый английский, в свою очередь, был недостаточно стандартизирован для подобных дел. Старофранцузский был гибридным диалектом, обязанным больше влиянию пикардского и анжуйского диалектов, чем норманнскому французскому: в нем французский словарь сочетался с правилами английской грамматики. Специалисты по общему праву разработали его для своих судебных нужд, передавая данный язык из поколения в поколение¹.

Развивающийся профессиональный жаргон судов общего права не оказывал практически никакого влияния на академическое изучение права. Языком юриспруденции в Оксфорде и Кембридже был латинский, и профессора права не считали для себя нужным учить старофранцузский, хотя это вполне могло быть сделано дней за десять. Как объясняет Фортескью, отчасти это могло быть связано с тем, что латинский был языком науки как таковой². По мнению Блэкстоуна,

¹ См.: *Baker J. H. The Three Languages of the Common Law // McGill Law Journal. 1998. Vol. 43. January. P. 5–24.*

² *Fortescue J. De Laudibus Legum Anglie / S. B. Chrimes (ed.). Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1942 [с. 1460]. P. 114.*

причина в том, что гражданское право — преподаваемое и изучаемое на латыни — появилось в университетах и монастырях после норманнского завоевания, но его отказывались принимать в судах³. Как пишет об этом историк Дж. Г. Бейкер, может быть, английское право мыслилось недостаточно космополитическим, чтобы его можно было изучать всерьез⁴. Но какой бы ни была причина, ясно одно: английская юридическая наука развивалась в условиях полного невежества относительно практики английского права.

Подобный раскол наблюдается и в современных гуманитарных науках⁵. В одной дисциплине за другой бегство от реальности становится столь всеобъемлющим, что ученые практически полностью упускают из вида то, что по идее должно быть предметом их изучения. Это касается ориентированных на количественные и формальные исследования социальных наук, которые принципиально сосредотачиваются на каузальных объяснениях. Вслед за экономикой они моделируют себя с оглядкой на физику или на стилизованную версию того, что, по общему мнению, происходит в физике. Но это касается и многих интерпретативистских подходов, на которые сильно повлияли модные тенденции в гуманитарных науках, в особенности лингвистический поворот в философии и некоторые тенденции в литературной герменевтике. Исследователи нередко позиционируют себя как занимающихся ин-

³ *Blackstone W. Commentaries on the Laws of England. Chicago: University of Chicago Press, 1979 [1765]. Vol. I. P. 16–32.*

⁴ Из личной переписки.

⁵ В оригинале Иэн Шапиро использует термин «human sciences», способный объединить в себе как social sciences, то есть социальные науки, так и humanities, то есть науки гуманитарные. Точнее было бы переводить human sciences как «науки о человеке», но в виду экзотичности данного понятия в отечественной академической традиции было принято решение заменить его более привычным понятием «гуманитарные науки». — *Примеч. перев.*

терпретацией в противовес объяснению, тем самым они увековечивают ложную дихотомию. С этим связано мое употребление термина «гуманитарные науки», призванного охватить оба подхода. Данная книга представляет собой попытку зафиксировать степень отрыва данных наук от реальности и постараться что-то противопоставить такому положению дел.

С самого начала мне бы хотелось отметить, что я не считаю разрыв с реальностью обусловленным какой-то одной причиной или каким-то единственным источником. Скорее, он является результатом близких друг другу процессов, нередко усиливающих друг друга. Часть причин касается интеллектуальной сферы, они связаны с колебаниями академической моды. Часть — сферы институциональной, они отражают структуру академического сообщества, а также структуру стимулов к совершенствованию в век исчерпанных парадигм и углубляющейся специализации. Все это может быть усилено извращенным стремлением к точности, когда страх казаться недостаточно научным сеет среди молодых исследователей страх остаться верным реальности. Другая часть причин носит политический характер в самом широком смысле этого слова, их суть во взаимоотношениях между обособленными гуманитарными науками и воспроизводством общественного и политического порядка. Как мы увидим, отрыв от реальности не проходит для самой реальности бесследно. В лучшем случае он маргинализирует возможные эффекты политической и социальной критики, в худшем вносит — пусть и непреднамеренно — свой вклад в упрочение деспотических общественных отношений.

С рассмотрения данной проблемы я и начну свою книгу. Об этом пойдет речь в первой главе, написанной мной в соавторстве с Александром Вендтом. Мы обозначим недостатки эмпирических и интерпретативистских методов социального исследования, указав на то, как они искажают получающиеся результаты; в качестве альтернативы нами будет предложен реалистиче-

ский подход. Вместо абстрактного рассмотрения проблемы мы подойдем к ней через анализ конкретного феномена, который в гуманитарных науках всегда привлекал к себе повышенное внимание, — я имею в виду изучение согласия. Эмпиризм, как он здесь понимается, подразумевает два различных подхода к социальному исследованию, и оба берут свое начало в мысли Дэвида Юма. Первый мы обозначим как *логицизм*, тем самым указав на то, что его сторонники разделяют тезис, прославленный Карлом Гемпелем: хорошие объяснения — это фундированные дедуктивные суждения. Для логицистов каждая гипотеза является научной лишь постольку, поскольку она может быть выведена из общей теории. Подобные теории зачастую опираются на упрощенные допущения или даже на такие «как будто бы» допущения, которые с эмпирической точки зрения отнюдь не являются обоснованными.

Эти теории принято защищать потому, что они позволяют делать хорошие прогнозы относительно эмпирической реальности. В принципе, звучит разумно, однако на практике логицисты нередко формулируют свои тезисы настолько общо, что те оказываются совместимыми с любыми эмпирическими результатами — по сути, эмпирический мир превращается в эпифеномен по отношению к теории. В своем тексте мы показываем, как логицизм на практике искажает изучение согласия: теоретики согласия как рационального феномена пытаются как-то учесть случаи явных аномалий, делают они это путем быстро сострепанных переописаний, подгоняющих аномалии под облюбованные ими теории. Такой подход оправдан для теоретиков раннего Просвещения, ведь для них — об этом мне уже приходилось писать — отличительной чертой науки является точность, поэтому существование контрпримеров недопустимо⁶. Одна-

⁶ См.: *Шапиро И.* Моральные основания политики /пер. с англ. под ред. В. С. Малахова. Гл. 1. М.: КДУ, 2009.

ко если мы возьмем взгляды представителей зрелого Просвещения, то их видение науки допускает корректирование знания, оно опирается на предпосылки о том, что ученые не станут принимать гипотезу всерьез, если она не может быть фальсифицирована и если условия этой фальсификации не могут быть определены заранее. Таким образом, ирония заключается в том, что, хотя современные логицисты и мыслят себя в качестве единственных представителей строгой социальной науки («Если у тебя нет теории, то у тебя нет ничего!» — так мне описал свою позицию один из логицистов), на самом деле они оказываются приверженцами таких воззрений на науку, которые большинство практикующих ученых уже многие столетия не воспринимают всерьез.

Другими пасынками Юма, рассматриваемыми в первой главе, являются эмпирики особого рода: в 50–60-х гг. XX века они получили известность как бихевиоралисты. Зачастую скептически относясь к беспримерным теоретическим амбициям логицистов, эти эмпирики солидаризировались с тезисом Юма о том, что знание коренится в наблюдении за событиями и что каузальное знание заключается в наблюдении за регулярно повторяющимися сцепками явлений. Если уверенность логицистов вытекает из дедуктивных отношений посылок и следствий из них, то эмпирики обращаются за гарантиями к наблюдению. На примере исследований власти в политической науке мы показываем, как подобная предвзятость приводит к игнорированию факторов, принуждающих людей к якобы добровольному поведению. Среди этих факторов можно выделить тайные манипуляции с повесткой дня, структурирующие людское восприятие альтернатив, а также прямое влияние на их предпочтения. Внимание к наблюдаемому поведению мыслилось как корректирование теорий элит, выдвинутых Гаэтано Моской, Робертом Михельсом, Вильфредо Парето и Чарльзом Райтом Миллсом. Последние обращались

с наблюдаемым поведением достаточно бесцеремонно, они либо игнорировали его, либо нивелировали всякое расхождение между ним и тем, что Михельс называл «железным законом» олигархических тенденций. Как это ни иронично, но бихевиоралисты в конечном счете пришли к точно такому же ориентированному на метод подходу: сфера наблюдаемого поведения стала считаться единственной подлежащей учету сферой при осмыслении согласия.

Если бихевиоралисты искажают исследование одним способом (в пользу сферы феноменального), то сторонники интерпретации — другим. Под интерпретативизмом я понимаю исследовательскую стратегию, которая вошла в моду в гуманитарных науках в 1970-х гг. во многом по причине общего разочарования в различных не оправдавших себя редукционистских программах. Наиболее ярким примером такой утратившей престиж программы был марксизм, получивший дурную славу в силу своей неспособности объяснить основные политические процессы XX века. Вместо пробуждения революционного социалистического пролетариата развитые капиталистические страны пережили подъем национализма и укрепление консерватизма среди рабочего класса, не говоря уже о нацизме в Германии и фашизме в Италии. Коммунисты пришли к власти либо в крестьянских обществах, например, России или Китае, что противоречило прогнозам Маркса, либо их власть была навязана Советским Союзом после Второй мировой войны. В любом случае к 50-м гг. стало очевидным: практика коммунизма покоилась в лучшем случае на гротескных искажениях принципов марксизма.

В последующие десятилетия попытки реабилитировать марксизм перед лицом безнадежно упрямой реальности породили куда больше шума, чем ясности. Одной из побудительных причин принять интерпретативный поворот было желание вырваться из сектантских споров о том, как спасти материализм

Маркса (не помогали тут никакие утверждения о том, что марксизм верен лишь «по большому счету»)⁷. Интерпретативный поворот подразумевает рассмотрение артикулированных убеждений и идей как базовых единиц человеческого взаимодействия. Эти убеждения и идеи рассматриваются не как эпифеномены базиса, которые следует понимать через их связь — пусть и окольную — с «подлежащим» материальным базисом. Скорее, если использовать одно из расхожих выражений того времени, они конституируют реальность — или как минимум реальность человеческого общества — посредством языка. Согласно такой позиции социальная реальность — это реальность лингвистическая. Когда люди постулируют обязательства или заключают общественные договора, они делают это посредством языка, а не каких-то иных мер, которые затем описываются с его помощью. Понимание социальной реальности означает понимание тех лингвистических процессов, которые приводят к ее появлению.

Интерпретативный поворот был связан с подъёмом философии обыденного языка, обычно ассоциируемым с поздним Л. Витгенштейном и Дж. Л. Остином (1950-е гг.), а также с развитием литературной герменевтики, когда понимание социальных процессов моделируется по принципу интерпретации текстов⁸. Отсюда оставался лишь небольшой шаг до по-

⁷ Так выразился Луи Альтюссер в одной из своих работ: *Althusser L. Ideology and Ideological State Apparatuses. Lenin and Philosophy, and Other Essays / Ben Brewster (transl.) New York: Monthly Review, 2001. P. 127–188.* Также см.: *Альтюссер Л. Противоречие и сверхдетерминация // Л. Альтюссер. За Маркса / пер. с франц. А. В. Денежкина. М.: Практис, 2006. С. 127–186.* Poleмику см.: *Thompson E. P. The Poverty of Theory or an Orrery of Errors // The Poverty of Theory and Other Essays. New York: Monthly Review Press, 1978. P. 1–210.*

⁸ *Витгенштейн Л. Философские исследования // Л. Витгенштейн Философские работы / пер. с нем. М. С. Козловой. М.:*

зиции, согласно которой общество следует понимать как текст, смысл которого лучше всего постигать путем изучения переплетений лингвистических конвенций, внутри которых социальные акторы действуют как коллективные авторы. Мы, по меткому выражению Фредрика Джеймисона, оказываемся заключены в дом/тюрьму языка, отсюда следует, что лингвистическую реальность нужно постигать изнутри, а не предаваться бесплодным фантазиям о прорыве сквозь нее⁹. Разные теоретики имели разные представления о том, как подобное постижение может быть реализовано на практике, однако все они сходились в одном: следует прояснять социальные смыслы путем изучения лингвистических конвенций («языковых игр», по выражению Витгенштейна), в границах которых вынуждены оперировать люди. Социальная реальность вытекает из конвенциональной лингвистической практики, ключ же к пониманию этой реальности лежит в восстановлении конвенций, что позволяет увидеть, как именно их используют люди, действуя в социальном пространстве.

В одной из своих работ я уже рассматривал вклад интерпретативного поворота в историческое изучение политической теории, делал я это путем рассмотрения контекстуалистских теорий Кембриджской школы истории политической мысли — Джона Дана, Джона Поукока и Квентина Скиннера¹⁰. Что касается их подхода к изучению текстов в рамках истории идей, то он похвален. В частности, их тезис

Гнозис, 1994; *Остин Дж.* Как совершать действия при помощи слов // Дж. Остин. Избранное / пер. с англ. Л. Б. Макеевой, В. П. Руднева. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 13–135.

⁹ См.: *Jameson F.* The Prison-House of Language: A Critical Account of Structuralism and Russian Formalism. Princeton: Princeton University Press, 1974.

¹⁰ *Shapiro I.* Realism in the Study of the History of Ideas // *History of Political Thought.* 1982. Vol. 3. No. 3. November. P. 535–578.

о том, что знание контекста существенно для понимания автора, представлял собой значимую корректировку методологий, рекомендовавших для достижения понимания вновь и вновь перечитывать текст. Конечно, некоторые контекстные прочтения спорны, но все же едва ли можно усомниться в том, что подобная методология внесла важные корректировки в устоявшиеся интерпретации. Новое прочтение Гоббса, осуществленное Скиннером, прекрасно выдержало испытание временем, оно помогло избавиться от стереотипного восприятия Гоббса как «малмсберийского монстра»¹¹. Помещение Данным политических сочинений Локка в контекст теологических споров, которые занимали мыслителя на протяжении всей его жизни, революционизировало изучение наследия британского мыслителя XVII века, а внимательное исследование в духе контекстуализма Питера Ласлетта и Ричарда Эшкрафта позволило сделать вывод о том, что «Два трактата о правлении» были написаны почти за десятилетие до Славной революции 1688 г. Это помогло отбросить прежнее расхожее мнение о том, что данное произведение было написано как апология революции¹². Противоречивые воззрения Локка на феномен рабства были исчерпывающе изложены в контекстуалистском анализе, осуществ-

¹¹ *Skinner Q.* Thomas Hobbes and His Disciples in France and England // *Comparative Studies in Society and History*. 1965/1966. Vol. 8. P. 153–168; *Skinner Q.* The Context of Hobbes's Theory of Political Obligation // *M. Carnston, R. S. Peters (eds).* Hobbes and Rousseau: A Collection of Critical Essays. New York: Doubleday, 1972. P. 109–142.

¹² *Dunn J.* The Political Thought of John Locke. Cambridge: Cambridge University Press, 1969; *Laslett P.* «Introduction» to John Locke, Two Treatises of Government // *P. Laslett (ed.).* Cambridge: Cambridge University Press, 1988. P. 61, 123–126; *Ashcraft R.* Revolutionary Politics and Locke's «Two Treatises of Government»: Radicalism and Lockean Political Theory. *Political Theory*. 1980. Vol. 8. No. 4. November. P. 429–486.

вленном Джеймсом Фарром¹³. Впечатляющая реабилитация традиции гражданского гуманизма, осуществленная Поукоком, породила новый интерес к идеям республиканства, усложняя наше представление о зарождении и эволюции либерализма¹⁴. И это уже не говоря о той ревизии представлений о средневековых и раннесовременных теориях естественного права, которую осуществили Ричард Так и Джеймс Тулли; сюда же относятся исследования политических воззрений Адама Смита и Давида Рикардо, проведенные Дональдом Уинчем, Шэноном Стимсоном и Мюрреем Милгейтом¹⁵.

Одно дело утверждать, что понимание автора в существенной степени зависит от понимания того контекста, в котором он творил; совсем другое дело превращать данный тезис в теорию политики и политических изменений. Именно такая более амбициозная постановка вопроса, яснее всего выраженная Квентином Скиннером, и будет предметом моего рассмотрения. Я согласен со Скиннером в том, что любое правдоподобное осмысление политической реально-

¹³ *Farr J.* «So Vile and Miserable an Estate»: The Problem of Slavery in Locke's Political Thought. *Political Theory*. 1986. Vol. 14. No. 2. May. P. 263–289.

¹⁴ *Pocock J. G. A.* The Machiavellian Moment: Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition. Princeton: Princeton University Press, 1974. Обзорное эссе об исследованиях традиции гражданского гуманизма, начатых Поукоком, см.: *Shapiro I. J. G. A.* Pocock's Republicanism and Political Theory: A Critique and Reinterpretation // *Critical Review*. 1990. Vol. 4. No. 3. Summer. P. 433–471.

¹⁵ *Tuck R.* Natural Rights Theories: Their Origin and Development. Cambridge: Cambridge University Press, 1979; *Tully J.* A Discourse Concerning Property: John Locke and his Adversaries. Cambridge: Cambridge University Press, 1980; *Winch D.* Adam Smith's Politics: An Essay in Historiographic Revision. Cambridge: Cambridge University Press, 1978; *Milgate M., Stimson S.* Ricardian Politics. Princeton: Princeton University Press, 1991.

сти должно учитывать и ту роль в ее формировании, которую играют политические идеи. Но этот ход с неизбежностью заставляет нас задаться более общими вопросами о том, что такое идеология, как именно идеологии формируют политический конфликт и политические изменения (и наоборот) и как — если это вообще возможно — они могут быть связаны с идеями политических теоретиков.

Скиннер отмечает подобные вопросы, игнорируя всякий каузальный анализ в пользу «интерпретации», но, как мне представляется, достигается это за счет того, что отрицаемый на словах анализ проводится тайком. Он отождествляет смысл текста с намерениями автора, которые выявляются путем анализа того, как именно были восприняты идеи автора той аудиторией, для которой они предназначались. Но если мы изучаем данные идеи как идеологии, тогда в таком подходе оказывается неучтенной целая гамма относящихся к делу возможностей. То, что люди не замечают, может быть с идеологической точки зрения более важным, чем то, что они видят. Люди могут заблуждаться по объективным или злонамеренным причинам. Они могут по неосторожности легитимировать практики, о которых у них есть лишь только смутное представление (если таковое вообще имеется). То, как идеи усваиваются и искажаются последующими поколениями, может быть куда важнее того смысла, который им придавали современники. Утверждая, что «внутреннее» прочтение, предназначенное для уяснения намерений автора, есть синоним изучения истории идей как истории идеологий, Скиннер по сути, сам того не зная, провозглашает новый вполне себе виговский редуccionизм.

В противовес Скиннеру я настаиваю на приемлемости «внешнего» прочтения. Такое прочтение призвано локализовать субъективные точки зрения в более общих каузальных процессах, но без всяких априорных суждений о том, в чем именно заключаются эти

процессы, как они формируют политические интересы, повестку дня и события (и наоборот — формируются ими), а также без каких-либо предварительных установок относительно того, как именно данные процессы могут быть подведены (и могут ли вообще) под общую теорию политики. Все это материал для исследования, которое не может делать выводы до своего начала. Научный подход требует от ученого установки на обнаружение того, что же на самом деле происходит в данной конкретной ситуации, без всяких предрассудков относительно изучаемой ситуации. Стремление выяснить, что же именно имел в виду конкретный политический теоретик, подразумевает выбор одного из альтернативных подходов к осмыслению роли идеологии в политике. Данный подход должен быть оправдан путем его сопоставления с имеющимися правдоподобными альтернативами, его не следует контрабандно протаскивать через заднюю дверь под видом избегания каузального анализа и предпочтения ему интерпретации. Сторонники интерпретативизма нередко рассматривают себя как полную противоположность представителей бихевиоралистского подхода к социальным наукам. Есть своя ирония в том, что они в конечном счете приходят к редуccionистским воззрениям, роднящим их с бихевиоралистами. И те и другие притязают на видение по ту сторону феноменального мира. Подобная установка еще до начала всякого исследования искажает изучение, например, согласия, скрывая наиболее важные альтернативы теории.

Мой призыв не забывать ни о «внешних» измерениях политического действия, ни о «внутренних» вытекает из реалистического видения науки. В становлении последнего я многим обязан работам Рома Харре, Роя Бхаскары, Ричарда Миллера и многих других; я ни в коем случае не стремлюсь представить исчерпывающее изложение данной позиции. Скорее моя цель — обратить внимание на те установки, которые

подразумеваются реалистическим мировоззрением, объяснить их значимость для проведения исследования, а также показать, почему они должны привести к результатам лучшим, чем результаты всех остальных альтернатив. Я, без всякого сомнения, стремлюсь представить реалистический подход в максимально притягательном свете, но делаю я это скорее путем демонстрации его плодотворности для исследований в социальных и политических сферах, чем путем его оттачивания с каких-либо фундаментальных теоретических позиций. Некоторые предварительные замечания тут вполне уместны, они призваны обозначить то, что я считаю существенным для научного реализма, также они позволяют отделить его от доктрин, с которыми реализм нередко путают¹⁶.

На мой взгляд, суть научного реализма может быть выражена в двух тезисах: мир состоит из каузальных механизмов, существующих независимо от нашего исследования и даже осознания; научный метод — это лучший способ ухватить их истинный характер. Приверженцы подобной позиции нередко описываются как трансцендентальные реалисты¹⁷. Этот громоздкий и перегруженный смыслами термин скрывает куда больше, чем проясняет. Но он, по моему мнению, обращает внимание на тот факт, что реалистическая позиция имплицитна научной работе, она не являет-

¹⁶ Философы и социальные теоретики, считающие себя научными реалистами, расходятся между собой в целом ряде моментов, не все они согласны и с моим видением некоторых деталей. Часть расхождений рассматривается в первой главе, хотя подобное рассмотрение и не является существенной для данной работы. Более подробно данный вопрос разбирается в другой моей книге: *Political Criticism*. Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 1990. Ch. 8.

¹⁷ Данный термин был отчеканен Роем Бхаскарсом, подробнее см.: *Bhaskar R. A Realist Theory of Science*. Sussex: Harvester, 1978; см. также: *Bhaskar R. The Possibility of Naturalism*. Sussex: Harvester, 1979.

ся ее производной. До тех пор, пока ученые не признают ее правомочной (чаще всего они это делают), у них не будет никаких достаточных оснований рассматривать свои занятия как нечто превосходящее религию, предрассудок, традицию и прочие претенденты на авторитетность при осмыслении реальности. Это не означает, что реалистическая установка подразумевает верность какой-то конкретной теории или гипотезе о каузальной структуре реальности. Скорее, приверженность данной позиции необходима для того, чтобы измышление теорий и гипотез, а также их оценка методами науки считались занятиями, достойными внимания.

Вместе с Вендтом мы доказываем, что реалистическая позиция при изучении феномена согласия позволяет выйти на новые просторы для исследований каузальных связей, ускользающих от представителей бихевиоралистской и интерпретативистской школ. Все это удастся проделать без нивелирования значимости поведения и субъективного понимания до чего-то эпифеноменального, поэтому-то и получается избежать другой проблемы: утверждения столь характерной для логицистских начинаний редуccionистской позиции, невосприимчивой к свидетельствам опыта. Мы рассматриваем работу Джона Гавенты «Власть и бессилие» как пример исследования, проведенного в духе реализма. Реализм просматривается как в его попытке выявить скрытые каузальные механизмы, приводящие к согласию — «состоянию покоя» в терминологии самого Гавенты — в условиях подавления, так и в его объяснении связи между этими механизмами и сферами субъективного восприятия и поведения. Таким образом, если мы находимся на позициях реализма, то становится очевидным, что и бихевиоралистские, и интерпретативистские подходы представляют собой бегство от реальности, даже несмотря на то, что их сторонники нередко лишены амбиций создателей общих теорий.

Возможно, по причине реакции на враждебность бихевиоралистского и интерпретативистского подходов к общей теории логицистский подход в последние десятилетия получил новый шанс. Основным приемом стал импорт макроэкономических моделей в неэкономические гуманитарные науки — в особенности в политическую науку, социологию и право — под маркой теории рационального выбора. Во второй главе мы с Дональдом Грином исследуем эту тенденцию в ее связи с политической наукой, в частности, мы реагируем на ту критику, которой подверглась наша работа «Патологии теории рационального выбора»¹⁸. Хотя логицистские усилия и являются шаткими, если их анализировать с реалистических позиций, мы также показываем, что логицизм обрушивается в том числе и под своей собственной тяжестью — во многом по причине идеалистических амбиций его представителей в вопросах теории. Теории рационального выбора, если судить их по их же собственным критериям, по большей части выродились в утонченные упражнения по спасению универсальной теории от отрезвляющей встречи с реальностью. Вопреки восхвалению теоретической строгости, которое нередко можно встретить в тезисах логицистов, мы показываем, как теоретики рационального выбора проваливаются в определении рациональности при формулировании гипотез, при детализации эмпирических следствий, а также при их опытном тестировании.

Сформированный нами длинный перечень провалов включает в себя: разработку исчерпывающих концепций политических феноменов без доказательства того, как и почему данные концепции следует предпочитать всем имеющимся альтернативам; «объяснение» стилизованных фактов, которые при более детальном рас-

¹⁸ *Green D. P., Shapiro I. Pathologies of Rational Choice Theory: A Critique of Applications in Political Science. New Haven: Yale University Press, 1994.*

смотрении оказываются не имеющими никакого отношения к политической реальности; *post hoc* махинации с теориями, когда анализ превращается в хитро замаскированное нанесение контура на заданные координаты; столь туманная детализация теорий, что последние оказываются совместимыми с любыми эмпирическими выводами; сканирование политического ландшафта на предмет подходящих иллюстраций для избранной теории с одновременным игнорированием всей остальной информации; подтверждение теорий за счет тенденциозных описаний политического мира. Даже в тех случаях, когда теоретики рационального выбора отходят от чистых универсалистских суждений, они делают это *ad hoc*¹⁹ и очень неубедительно, что лишь усиливает их нежелание даже допустить мысль о том, что их теория является ложной. Получается, как если бы кто-то, увидев однажды, что сорванные красные яблоки больше не падают на землю, стал бы утверждать, что теория гравитации верна, — просто надо признать, что она не работает в случае красных яблок.

Как показывает данный пример, когда все остальные средства дают сбой, универсалистский импульс толкает теоретиков рационального выбора искать убежище в философии науки. Обвиняя своих критиков в «наивном фальсификационизме», они с целью оправдания своих процедур апеллируют к тезисам Томаса Куна и Имре Лакатоса. Те, кто апеллируют к Куну, похоже, не в курсе его уже ставшей притчей во языцех способности отличить развивающиеся исследовательские программы, когда идет процесс накопления знания, от программ деградирующих, когда этого не происходит. Неспособность теоретиков рационального выбора увидеть недвусмысленный прогресс в эмпирическом познании есть повод для серьезного беспокойства. Ведь, как точно подмечал Кун, гуманитарные науки еще только должны достигнуть стадии, когда существует до-

¹⁹ Для этого [случая] (*лат.*). — Примеч. перев.

минирующая парадигма, внутри которой развивается нормальная наука, занимающаяся решением головоломок. Отсюда его описание их как «допарадигмальных». Теoretики рационального выбора, которые согласны с такой характеристикой, видят в своих теориях выход из сложившейся ситуации — именно это показывает мое рассмотрение идей Дэвида Лейтина о политической науке в шестой главе. Им стоило бы прислушаться к фразе Куна: «Я не знаю никаких способов превращения протонауки в науку, более того, я даже не считаю, что чем-то подобным необходимо заниматься»²⁰.

Те же теoretики рационального выбора, которые апеллируют к Лакатосу, придают слишком большую значимость его тезису о том, что нечто не может быть заменено на ничто; что теории не могут быть фальсифицированы «фактами», но лишь более удачными теориями, способными объяснить то, что было до и что есть сейчас. Допустим, что это точное описание того, что нередко случается в науке, однако проблема в том, что в политической науке теoretики рационального выбора действуют так, как если бы данное описание касалось их критиков, но не их самих. Для них свойственно игнорировать все прежние исследования по интересующей теме, они склонны создавать банальные пустые гипотезы, если таковые вообще требуются, и переводить существующее знание на свой жаргон (вместо увеличения самого знания). Теoretики рационального выбора больше похожи на составителей резюме своих универсальных теорий, чем на ученых из книг Лакатоса, которые пытаются дополнить существующий запас знаний развитием теорий, которые лучше прежних соотносятся с эмпирическим материалом. Если бы теoretики рационального выбора принимали свои заявления в духе Лакатоса всерь-

²⁰ *Kuhn T. S. Reflections on My Critics // I. Lakatos, A. Musgrave (eds). Criticism and the Growth of Knowledge. Cambridge: Cambridge University Press, 1970. P. 244–245.*

ез, они бы оставили логицистские импульсы теории науки Гемпеля и занялись бы серьезной эмпирической оценкой своих утверждений перед лицом наиболее правдоподобных из имеющихся альтернатив. Мы утверждаем, что те из них, кто все же сделал это, внесли свой вклад в изучение политики. Однако в большинстве случаев искушение променять теорию, ориентированную на проблемы, на теорему, ориентированную на метод, оказывается необоримым.

В главах третьей и четвертой я перехожу от объяснительного измерения бегства от реальности к нормативному. Один из способов, каким интерпретаторы пытались связать нормативную и позитивистскую теории, — это попытка выведения принципов для политики и действия из теорий о том, как устроен мир. Другой способ — попытаться вмешаться в мир, чтобы заставить его лучше соответствовать избранному нормативному идеалу. Ричард Познер, судья американского апелляционного суда, с момента своего назначения Рональдом Рейганом в Седьмой округ в 1981 г. попытался опробовать оба способа. Оценка его усилий предлагается мной в третьей главе.

Переход от объяснения к предписанию подразумевает переход от сущего к должному. Попытка Познера сделать это оказывается неубедительной и в конечном счете неудачной, однако она показывает то, как отрыв от реальности может влиять на саму реальность. Познер предлагает функционалистское описание эволюции общего права, согласно которому право со временем начинает все больше способствовать максимизации экономической эффективности. Его описание — это описание в духе концепции «невидимой руки», так как эволюция протекает скрытно от судей общего права, которые обычно не видят — не говоря уже о понимании — того, как их решения способствуют данному результату. Как будто бы желая подчеркнуть фактор невидимости, Познер критикует ряд судей, которые попытались применить его теорию максимизации

ции богатства в практике своих решений. Но все же Познер озвучивает целый ряд рекомендаций для поведения судей, кроме того, на основе своих тезисов об эффективности он предлагает различные реформы системы управления судами в США.

Тезисы Познера дают все основания для того, чтобы отнестись к ним скептически, но даже если вынести скепсис за скобки, все равно их едва ли можно рассматривать как нечто благое. Давайте проанализируем основанное на принципе эффективности соображение Познера о том, почему уголовное право куда суровей наказывает правонарушителя, совершаемые бедняками²¹. На его взгляд, уголовное наказание необходимо тогда, когда угроза компенсации, присуждаемой пострадавшему, оказывается неспособной остановить потенциального преступника. Ввиду того, что у бедных обычно не бывает ресурсов для выплаты компенсаций, достаточных для назидания будущих злоумышленников, приходится прибегать к угрозе лишения свободы. Подобное использование принципа эффективности для описания системы, дискриминирующей бедных, не способно ничего сказать о ее нравственной привлекательности; это возможно лишь в том случае, если такое описание будет дополнено тезисом, доказывающим, что эффективность более желательна, чем равенство всех перед законом. Это становится очевидным, если вспомнить, что ученые, представляющие школу критических правовых исследований, выдвигали схожий с познеровским эволюционистский тезис, однако они приходили к несколько иной нормативной позиции²². Они отметили нейтральность и утверждали, что закон функционирует для того, чтобы поддерживать капиталистические рыночные от-

²¹ *Posner R. An Economic Theory of the Criminal Law // Columbia Law Review. 1985. Vol. 85. No. 6. October. P. 1193–1231.*

²² *Unger R. The Critical Legal Studies Movement. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1986.*

ношения. Оливер Уэнделл Холмс, может быть, и был прав, утверждая, что Четырнадцатая поправка «не воплощает *Социальную статистику* м-ра Герберта Спенсера», однако, на их взгляд, она все же затрагивает общее право.

Функционализм позволяет Познеру перейти от *сущего* к *должному* не больше, чем он позволяет Ангеру и его коллегам перейти от *сущего* к *недолжному*. Не мешает этот функционализм и поставить объяснительные теории на службу нормативным интересам. Другая стратегия, используемая Познером, — это указание на разрыв между целями, которые он считает имманентными закону, и существующей реальностью; тем самым он подталкивает нас к выводу о том, что реальность нуждается в реформировании. Данная стратегия так же стара, как и теория Иеремии Бентама о провалах рынка, подразумевающая необходимость регулирования: эти провалы связывались с «эффектом безбилетника», переиспользованием общественных благ и иными побочными продуктами эгоистического поведения индивидов²³. Другой вариант отстаивался представителями движения правовых реалистов, которые указывали на разрывы между заявленными идеалами американского правосудия и суровыми реалиями уголовных преследований 1930-х гг. и далее. Все это привело к существенным реформам процедур уголовного судопроизводства, а также к пересмотру прав подсудимых; данные меры, инициированные судом Уоррена²⁴, преследовали цель приблизить реальность к заявленным конституционным идеалам.

Принцип действия Познера таков: он выявляет слабости в законах, а также в системе управления судами, тем самым появляются основания для реформ, на-

²³ См.: Шапиро И. Моральные основания политики... Гл. 2.

²⁴ Суд Э. Уоррена (1953–1969) — самый либеральный состав Верховного Суда США во главе с судьей Эрлом Уорреном. — *Примеч. перев.*

правленных на приведение судов в соответствие с его идеалом эффективности. Помимо указания на то, что его идеал эффективности вовсе не так очевидно имманентен американскому праву, я показываю следующее: призывы к эффективности подразумевают материализацию спорных экономических теорий, которые обозначаются как «единственно возможная» экономическая теория или же просто как закон. Все это позволяет Познеру скрыть специфическую идеологическую программу под маской абстрактной теории. Например, при детальном рассмотрении оказывается, что недовольство Познера по поводу возрастания количества тяжб в федеральных судах в последние десятилетия никоим образом не связано с его общей теорией (и вообще с любыми теориями) оптимального количества судебных процессов и оптимальной величины судебной системы. Скорее, данное недовольство является отражением его консервативной антипатии к государству.

Данные склонности проявляются и в судебной деятельности Познера. Посредством анализа его мнений относительно трудового права и антимонопольных мер в первые пять лет пребывания Познера на посту федерального судьи апелляционного суда я доказываю, что он предсказуемым образом импортирует свое видение «социальной статики» в собственные судебные мнения, представляя их при этом как импликации бесспорной экономической теории, если не непровержимого здравого смысла. Истина же в том, что экономические теории, отличные от тех, которыми оперирует Познер, приведут к совсем иным выводам по данным вопросам; при этом Познер так никогда и не сообщает нам, почему он благоволит именно тем теориям, которым он благоволит. Логицистский вариант бегства от реальности подразумевает искаженное видение мира, когда последний подменяется сомнительными моделями, являющимися производными от излюбленной общей теории. Академические

сочинения Познера демонстрируют это на каждом шагу. Самое тревожное здесь то, что должность судьи дает ему полномочия переделывать реальность в соответствии со своими моделями, а это оборачивается случайными удачами или неудачами для тех, кого судьба привела в возглавляемый им суд.

В четвертой главе я указываю на то, что весь драматизм попыток Познера реализовать принцип эффективности заключается в том, что он далеко не одинок на этом поприще. Политические теоретики очень часто не понимают, что любые тезисы о том, как должна быть устроена политика, — это реляционные тезисы, подразумевающие акторов, действия, легитимность и цели. Если бы они это понимали, то целый ряд соперничающих позиций был бы попросту отвергнут по причине тех внутренних противоречий, с которыми они сталкиваются. Данное положение доказывается мной путем рассмотрения современных дискуссий о природе права, закона, автономии, полезности, свободы, добродетели и справедливости. Вместо рассмотрения сложностей, имплицитных реляционной логике тех или иных политических идеалов, политические теоретики нередко апеллируют к *совокупным концептам* — мой термин, призванный обозначить идеи, которые возвращают и усиливают вводящие в заблуждение дихотомии. Апеллируя к совокупным концептам, политические теоретики редуцируют реляционные тезисы до тезисов, касающихся одного или другого члена соотношения. Я показываю, как это систематически искажает анализируемые феномены, переключая внимание с первоочередных вопросов о мире на второстепенные споры о понятиях, которые никогда не будут разрешены, так как они покоятся на категориальных ошибках. Джеральд Маккалум-младший уже давным-давно указал на этот момент в связи со спорами о свободе. Он доказал, что споры между «негативными» и «позитивными» либертарианцами — вопреки тому, что говорят сами спорящие со времен Исаяи Берли-

на, — это не споры о родах свободы, это споры о том, *кто* свободен, *от каких* ограничений или *благодаря* каким условиям и *для каких* действий.

Мой анализ показывает, что, несмотря на обилие ритуальных экивоков в сторону Маккалума, его исследование оказалось почти полностью проигнорированным. Отчасти причина в том, что серьезное осмысление выводов Маккалума повлечет за собой скепсис в отношении спорных эмпирических дискуссий о человеческой психологии и каузальной структуре социального мира; однако именно этого теоретики и боятся. В спорах о свободе, равно как и во многих других спорах, имеющих схожую структуру, масштабные концепты позиционируются как дихотомические альтернативы. Спорщики защищают свои позиции, указывая на несомненные с их точки зрения недостатки предлагаемой альтернативы. Результатом становится увековечивание спора между совокупными концептами, который не приводит ни к каким результатам.

Несмотря на всю бесперспективность, практика подобных споров процветает. Отчасти это вызвано тем, что она профессионально поощряется в академической среде, отчасти — тем, что для многих совокупные концепты кажутся в высшей степени притягательными. Это удобные и простые средства, способные (наподобие идеологий) легитимировать то, во что люди хотят верить. Признавая притягательность подобных концептов, я все же настаиваю, что часть призвания политического теоретика заключается в борьбе с ними. Мы должны препарировать совокупные концепты, а не торговать ими. Вместо поиска и прославления единственно верной концепции нам следует брать на себя роль принципиальных социальных критиков, цель которых — привносить в политические аргументы политическую реальность. Мы должны быть странствующими поборниками истины, а не адептами какой-то конкретной идеи. О том, какие практические следствия это имеет для политического теорети-

ка, представляющего политическую науку, идет речь в последних двух главах.

Данный вопрос поднимается в пятой главе в контексте критики модной тенденции в политической науке, суть которой в том, чтобы предпочитать (и поощрять) редукционистские объяснения феноменов. Мой отправной тезис — это соображение (нередко используемое для критики моей с Грином позиции в работе «Патологии») о том, что всякое наблюдение является теоретически нагруженным. Не существует никакой теоретически чистой фиксации «фактов», поэтому в высшей степени наивно полагать, что всякое объяснение может быть оценено на основе того, насколько хорошо оно соответствует эмпирическому материалу. Я признаю, что мы с Грином уделили этому вопросу недостаточно внимания, но я утверждаю, что он выпал и из сферы внимания общественных наук, натасканных на поиск истины. Далее я показываю, что этот поиск не увенчается успехом ни у одной из редукционистских программ политической науки и что факт постоянной доступности альтернативных описаний политической реальности влечет за собой серьезную ответственность политических теоретиков, существующих в условиях разделения труда в политической науке.

Тезис о том, что всякое наблюдение теоретически нагружено, при ближайшем рассмотрении может быть умело парирован следующим возражением: одни виды теоретической нагруженности более правдоподобны, чем другие. Как только речь заходит о конкретных случаях, то оказывается очевидным, что существует целая пропасть между теоретически нагруженными описаниями, в которых тенденциозные описания проектируются на проблемы с целью оправдания излюбленных теорий, и ситуациями, когда существуют убедительные основания предпочесть одно альтернативное описание другому при условии, что были рассмотрены и раскритикованы все предшествующие попытки подхода к проблеме. Я уже не говорю про ориентирован-

ные на метод исследования, когда постановка проблемы искривляется методами, доступными для исследователя. Исследование, проведенное Джоном Хьюбером и Чарльзом Шипаном, в котором они попытались изучить желание Конгресса предоставить административным органам свободу действия путем измерения количества слов в соответствующих законодательных актах, можно легко объяснить, если вспомнить о существовании в современных текстовых редакторах такой функции, как «подсчет количества слов»²⁵. И не важно, что подобное исследование покоится на допущении о том, что Кодекс внутренних доходов, растиражированный в огромных количествах, способен ограничить свободу действия сотрудников Внутренней налоговой службы. Попробуйте сказать это своему бухгалтеру.

Более того, отнюдь не все разногласия по поводу объяснений действительно вытекают из различий альтернативных описаний. Когда некое конкретное объяснение *признается* соответствующим действительности, значит, истина на самом деле существует, пусть даже никто еще пока не знает, в чем именно она заключается. Такова предпосылка реалистического подхода, на которой, как мне кажется, покоится любая наука. Ошибочно полагать, что объяснения являются научными лишь в том случае, если они вытекают из единой общей теории, которая затем вынуждает исследователей каждую проблему конструировать так, чтобы она втискивалась в понятия, совместимые с данной теорией. Антиредукционистские принципы, которые заключаются скорее в стремлении к построению общей теории, чем в принятии ее за нечто само собой разумеющееся до всякого эмпирического изучения, вполне могут подразумевать описания, соотносящиеся с теорией, но ни в коем случае не ведомые ей.

²⁵ См.: *Huber J.D., Shipan C. Deliberate Discretion: Institutional Foundations of Bureaucratic Autonomy. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.*

При этом я не отрицаю, что литература о теоретической нагруженности бросает политической науке серьезный вызов. Различные описания социальных явлений подталкивают исследователей к использованию различных объяснительных аргументов, что заставляет задаться вопросом о том, как сделать правильный выбор между ними. Стандартный ответ — это прогноз. Если решения судей могут быть лучше спрогнозированы путем анализа того, какое решение максимизирует богатство, а не путем анализа их правовых предпочтений, то значит, описание, опирающееся на принцип эффективности, является предпочтительным. Однако прогнозами проблема не исчерпывается. Злоупотребление последними может привести нас к представлению о том, что игра в баскетбол делает людей выше. Есть и более серьезная трудность: в силу сложности прогнозирования в гуманитарных науках чрезмерное увлечение прогнозами может заставить исследователя сконцентрироваться на тривиальных, но удобных вопросах и далее оттачивать ответы на них вплоть до трех цифр справа от запятой. Ученый может начать бесконечно оттачивать свои инструменты прогнозирования, которые так никогда и не будут пущены в оборот. Каков результат? Чрезвычайно сложно устроенные часы, которые не тикают и не показывают время.

Роль политических теоретиков в политической науке крайне важна по той простой причине, что не существует никакого алгоритма, позволяющего создавать правильное описание социального мира. Среди наших основополагающих задач — вычленение, критика и разработка правдоподобных альтернатив существующим теоретическим допущениям, интерпретациям политических условий и, конечно, детализация проблем, с которыми сталкиваются господствующие сегодня эмпирические подходы и исследовательские программы. Свою работу нам надо делать так, чтобы она открывала новые и многообещающие горизонты для исследований, ориентированных на пробле-

му. В тех случаях, когда используются эзотерические формы описания реальности, политические теоретики должны прояснять пути перевода данных описаний на язык более знакомых подходов к политике.

Если изучение политики неизбежно дискуссионно, то как тогда транслировать политическую науку следующему поколению студентов? Это предмет рассмотрения моей последней главы, содержащей критику недавних предложений Дэвида Лейтина по стандартизации преподавания политической науки. Его цель — сделать для политической науки то, что Самуэльсон сделал для экономики, создав общепринятую программу курса обучения. Соответственно, Лейтин предлагает свою программу вводного курса. Я утверждаю, что предложение Лейтина ошибочно по целому ряду пунктов — оно отражает бегство от реальности и способствует его усугублению.

Предложение Лейтина отражает отрыв от реальности, в нем дисциплина перепутана с предметом изучения. Здесь сразу вспоминается известный ответ экономиста на вопрос студента, что такое экономика. Ответ гласит: экономика — это то, что делают экономисты. Студенты выбирают политическую науку как свою специальность не потому, что они интересуются политической наукой, а потому, что они интересуются политикой. Тревожно, если студенты получают такое представление о политической науке, которое скрывает ее противоречивый характер. А ведь именно к этому призывает Лейтин. Подобная стратегия связана скорее с профессиональным интересом в получении грантов и политическом признании дисциплины, чем со стремлением учить студентов мыслить систематически об основополагающих аспектах политики. Лейтин сам в этом в конце концов сознается. Даже тогда, когда исследователь уверен, что он располагает Единственной истинной теорией или Единственным лучшим методом, он сильно навредит студентам, если не расскажет им о существующих альтернативах.

Предложение Лейтина стимулирует бегство от реальности, оно обособляет настоящих исследователей от той специфической дисциплины, которая предлагается вниманию студентов. Его мышление покоится на иллюзии, согласно которой введение в политическую науку способно дать обучающимся такое же представление о предмете, какое они могут получить при ознакомлении с аналогичными вводными курсами по физике, химии и математике. В данных дисциплинах в отличие от социальных наук проблема разногласий среди ученых относительно подходящей оптики для описания мира не стоит так остро. В противовес Лейтину я утверждаю, что решение экономистов стандартизировать свою дисциплину — к чему Лейтин и призывает политическую науку — имело катастрофические последствия: оно отделило вводные курсы от тех противоречий, с которыми сталкиваются исследователи на переднем крае науки. Студенты оказались отчуждены от предмета, в который их должен был ввести вводный курс по экономике. Такая ситуация лишь усиливает нежелание настоящих исследователей читать вводные курсы, в связи с этим они вынуждены или преподавать исключительно на временной основе, или оставаться на вторых ролях.

Это плохо как для студентов, так и для исследователей. У многих блестящих студентов есть нюх на важные проблемы и освежающее желание понять, как именно теории, которые их просят усвоить, связаны с реальным миром. В отличие от очень многих своих коллег они не являются заложниками академической литературы, нередко представляющей собой интеллектуальное «гнилое местечко». Если ученые, представляющие политическую науку, действительно хотят избавиться от бремени обучения студентов так же, как это сделали экономисты в последние несколько десятилетий, тогда у них есть все основания ничего не делать со своим и так чрезмерно развитым страхом перед реальностью.

Научное издание
Серия «Политическая теория»

ИЭН ШАПИРО

БЕГСТВО ОТ РЕАЛЬНОСТИ В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ

Главный редактор
ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Заведующая книжной редакцией
ЕЛЕНА БЕРЕЖНОВА

Редактор
АЛЕКСАНДР ПАВЛОВ

Художник
ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Верстка
СЕРГЕЙ ЗИНОВЬЕВ

Корректор
ТАТЬЯНА ПАЛЬГУНОВА

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ «ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»
101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20
Тел./факс: (499) 611-15-52

Подписано в печать 10.06.2011. Формат 84×108/32
Гарнитура Minion Pro. Усл. печ. л. 19,3. Уч.-изд. л. 13,3
Печать офсетная. Тираж 1000 экз.
Изд. № 1270. Заказ №

Отпечатано в ГУП ППП «Типография „Наука“»
121099, Москва, Шубинский пер., 6